

УДК 81'272

КОННОТАТИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема, рассматриваемая в статье, связана со способностью слов и устойчивых словосочетаний, обладающих значениями и экспрессивно-оценочными ореолами, сигнализировать о состоянии фрагментов общественного сознания.

Лексико-фразеологический уровень языка является наиболее динамичным вследствие его непосредственной связи с мышлением человека и деятельностью социума. Поэтому происходящие в социуме эволюции непрерывно воплощаются в семантике и / или в коннотации единиц словарного состава, в том числе и наиболее актуальных. Такие процессы нередко имеют весьма длительную историю и способны обрести широкий резонанс среди речедееателей.

Целью статьи является анализ исторической динамики издревле известного и поныне актуального словосочетания *простой человек*.

Материалы, извлеченные из авторитетных лексикографических источников и использованные в данном исследовании, в высокой степени информативны, цитаты из СМИ верифицированы, а примененные при их изучении сравнительно-исторический и сопоставительный *методы* прочно зарекомендовали себя в качестве научно-эффективных.

Его главный, адъективный компонент *простой* изначально был синкретичным, а впоследствии стал полисемичным. Однако при всех диахронических трансформациях семантики в его структуре постоянно присутствовало значение, сопряженное с квалификацией общественного статуса человека, не обладающего ни сколько-нибудь существенной материальной собственностью, ни административными полномочиями.

Но в советскую эпоху усилиями официальной пропаганды словосочетание *простой человек* (мн.ч. *простые люди*) приобрело высокомелиоративную оценочность, причем и применительно к зарубежным классовым собратьям.

После радикальных перестроечно-реформаторских ломок аксиологических парадигм в России возникла иная доминирующая социальная группа, обычно именуемая *элитой*, а сочетание *простой человек* превратилось в номинацию представителя низшего, почти маргинального и бесправного сословия.

Поскольку же манипулятивные потребности власти должны обеспечиваться необходимым вербальным инструментарием, то в российский официальный дискурс стали вводиться словосочетания *рядовой человек*, *рядовой гражданин*, семантически подобные словосочетанию *простой человек*, но, в отличие от него, не отягощенные многолетней коннотацией советских времен.

Результаты исследования являются должным образом аргументированными, позволяя градуировать семантико-коннотативные эволюции словосочетания *простой человек* на разных этапах его исторического бытования.

Выводы в соответствии с целью статьи свидетельствуют о процессах, в соответствии с доминировавшими аксиологическими установками в древне- и старорусский периоды истории языка характеризовавшими *простого человека* как не обладающего ни материальным имуществом, ни значительным социальным статусом. В советскую эпоху это словосочетание получило высокомелиоративную оценочность, а в постсоветское время утратило ее, будучи постепенно заменяемым семантически почти адекватным архаичному новейшими – *рядовой человек*, *рядовой гражданин*.

Авторский вклад в получение искомым результатов состоит в самостоятельном выборе оригинальной темы, обнаружении фактических материалов и последовательном применении апробированных научно-лингвистических методов.

Ключевые слова: динамика лексики, семантические и коннотативные эволюции, *простой человек*, вербальные манипуляции, пропагандистский инструментарий.

Проблема, рассматриваемая в статье, связана со способностью слов и устойчивых словосочетаний, обладающих значения-

ми и экспрессивно-оценочными ореолами, сигнализировать о состоянии фрагментов общественного сознания.

Хорошо известно, что самым динамичным уровнем любого языка является лексико-фразеологический, наиболее непосредственно связанный и с мышлением человека, и с многообразной жизнедеятельностью социума. Любые эволюции, происходящие в нем, получают свое воплощение в семантике и / или в коннотации слов и устойчивых словосочетаний. Подчеркнем, что для называния каких-либо новых феноменов вовсе не требуется сложение ранее не существовавших лексико-фразеологических единиц с помощью уже имеющихся в данном языке морфем, тем более введение в автохтонный языковой массив иноязычных заимствований (как это без особой необходимости делается в сегодняшней России [Васильев, 2013, с. 114–117; и др.]); гораздо активнее происходит переосмысление лексем, зачастую издавна и хорошо известных [Трубачёв, 1984, с. 49]. Не стал исключением и современный нам период.

Целью статьи является анализ исторической динамики издревле известного и поныне актуального словосочетания *простой человек*.

Материалы, извлеченные из авторитетных лексикографических источников и использованные в данном исследовании, в высокой степени авторитетны, цитаты из СМИ верифицированы, а примененные при их изучении сравнительно-исторический и сопоставительный *методы* прочно зарекомендовали себя в качестве научно-эффективных.

Предварительно отметим два обстоятельства, представляющиеся важными. Прежде всего, лексическое значение субстантивного компонента данного единства, то есть существительного *человек*, несмотря на сегодняшнюю популяризацию сексуальных патологий, не играет определяющей роли для речекоммуникативного обращения фразеологизма в целом: его основной смысловой вес приходится именно на адъективную часть (прилагательное *простой*). Кроме того, несомненно продуктивно сопоставительное изучение языковых единиц, например, в составе синонимических рядов или же антонимических пар. Очевидно активно противопоставляемой сегодня *простому человеку (простым людям)* лексемой

выступает *элита*; современная семантика и прагматика этого слова были достаточно подробно анализированы нами ранее [Васильев, 2013, с. 447–459], что позволяет сосредоточить здесь внимание на первой из упомянутых номинаций, привлекая для анализа прежде всего лексикографические источники.

Прилагательное *простой (простый)* имеет весьма длительную историю, восходя к праславянскому лексическому пласту¹. В исторических словарях русского языка оно представлено как сверхмногозначное, что, может быть, отражает его более ранний синкретизм. Ср.: *простый* – «прямой»; «прямой, стоящий», «твердый, стойкий», «свободный», «ненагруженный, не несущий тяжести», «первичный, имеющий начало в самом себе», «преисполненный», «чистый», «простодушный», «скромный», «извинительный», «простирающийся, длящийся», «неразумный, бессмысленный», «простой, понятный», «обыкновенный», «незначительный, ничтожный», «неважный», «простой, принадлежащий к простому народу», «мирской, не принадлежащий к духовенству»² – и *простой (-ый)* – 1) «стоящий прямо, прямой»; 2) «прямой (о волосах)»; 3) «свободный»; 4) «пустой, не занятый, ничем не заполненный»; 5) «открытый для прохода, незапертый»; 6) «обычный»; 7) «чистый»; 8) «принадлежащий к простому народу»; 9) «простодушный»; 10) «глупый, недалекий»; 11) «лишенный или лишившийся чего-либо»; 12) «первичный, имеющий начало в самом себе (о Боге)»; 13) «один, сам по себе»; 14) «мирской, нецерковный, не принадлежащий к миру»; 15) «малый, незначительный»; 16) «непритязательный, скромный»³.

По обоснованному суждению В.В. Колесова, у прилагательного *простой* «семантический синкретизм корня усложняет определение смысла, особенно в устойчивых формулах речи, которые проходят через столетия без видимых изменений» [Колесов, 2004а, с. 290]; к числу подобных выражений цитируемый автор относит

¹ Фасмер. 1971. Т. 3. С. 380; Черных, 1993. Т. 2. С. 72.

² Срезневский. 1958. Т. 2. С. 1582–1583.

³ СЛРЯ XI–XVII вв. 1995. Т. 20. С. 233–234.

и *прость челоуѣкъ* [Там же], подтверждая свое мнение рядом примеров из средневековых памятников письменности [Колесов, 2004а, с. 291]. Тот же исследователь полагает также, что древнерусский *простой человек* в первую очередь *простой* – «по смыслу слова „открыт“ навстречу всем влияниям и зависимый от обстоятельств жизни <...>. Это человек из толпы, который не имеет отличительных признаков, но вовсе не так прост» [Колесов, 2004б, с. 154–155].

Конечно, следует учитывать и подобные оценки, однако нас более интересуют возможности именно социальной характеристики человека с помощью прилагательного *простой* (*простый*). Такие случаи для древнерусского периода весьма частотны.

Так, в материалах Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. (КДРС) обнаруживаем: «... На месте, зовомо Колочка, идеже жилище имый некий человек, земледелец *прост*, поселянин и убог сый, именем Лука» (Пов. о Луке Кол., XVII в.). – «(1015:) Тако бо Исаия рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до *простых людей*» (Лавр, л. 3, 137). – «Вѣмы бо многи невѣгласы бывша <...> овии от сановитыхъ, а другия от *простыа чади*» (Прол. 14 в., л.142). – «Да король же польской къ гетману Хмельницкому посылалъ отъ себя съ тайнымъ письмомъ *простаго* мужика» (АМГ, 2, 319, 1653). – «Собращася <...> попове и бояре и *прости* людье...» (Ипат. лет., с. 208). – «...Отъ бояря и отъ купецъ великихъ, и отъ священниковъ и отъ *простыхъ* людеи...» (Ерм. лет., 157). – «И повелѣ избити плѣнь *простыхъ* людей, а воеводѣ и боярѣ и лучшихъ людей поведе съ собою въ Кіевъ» (Ник. лет. 9в, 157, XVII в. – под 1153). – «Отца имѣаше (Ольга)... от рода не от княжеска, ни от велмож, но от *простых* бяше челоуѣкъ» (Ольг. П., 380). – «Яко еще воинъ, или купецъ, или *простыи* члкъ» (Кормч. Балаш., 214, перв. чет. XVII в.). – «Безчестно есть се и от *простых*, не токмо от начальныхъ» (Пов. об осаде Пск., с. 162, к. XVII в.). – «Ведь дати воля царю – ино и псарю; дати слабость вельможе – ино и *простому*» (Ив. Гр. Посл., 173. 1573 г.). – «Воце ещо братъ нашъ не учнешь насъ писати всеа Русіи

или учнетъ насъ писати Ивановъ, как *простаго* челоуѣка» (Пам. дипл. МГ (П.-Лит.) 3, 293. 1563 г.) и мн. др.⁴

Примеры употребления прилагательного *простой* (*простый*) в интересующем нас значении встречаем и в Картотеке Словаре русского языка XVIII в. (КСлРЯ XVIII в.): «*Простый* – худородный, простаго рода» (Вейсм. Лекс., 1731, с. 240). – «Изъ *простыхъ* людеи бывають часто знатные» (т.ж., с. 546). – «Бѣдные люди <...>, *простой* народъ» (Лекс. Волчк., 1755, 1, с. 274). – «Не *простыи* только народъ, но и высокий принцы и духовныя власти...» (Ф. Пркп. Отзыв... 1733). – «*Простый* народъ всѣ оныя роды грибовъ означаетъ однимъ названіемъ поганыхъ» (Живописец, 1772, с. 54). – «*Простой* народъ не вѣдаеть, како разнствуетъ власть духовная отъ Самодержавной» (Дух. Регл. 1721, М., 1776, с.10) и проч.⁵

Русская академическая лексикография конца XVIII в. представляет структуру многозначного прилагательного *простый* так: «1) неосложненный; 2) порожній, не занятый ни чѣмъ; 3) обыкновенный, не имѣющій прикрасы; 4) нетрудный, незапутанный; 5) *безпритворный, безковарный, чистосердечный, нелукавый; 6) *непросвѣщенный наукам, неученый; 7) *глупый, оплошный; 8) *низкий, неотличный. Произошелъ отъ простаго рода. Простой народъ»⁶; та же иерархия дефиниций и их формулировки сохраняются в САР₂⁷ и – с весьма незначительными изменениями – в (Сл. Соколова); во всех этих словарях характеристика социального статуса находится на последнем месте.

Несколько иная картина дана в хронологически следующем словаре; здесь *простый* – «1) не имеющий в себе особенного достоинства или прикрасы; обыкновенный; 2) нетрудный, не запутанный; 3) лог. несложный; 4) не занятый ничем; порожний, пустой; 5) непросвѣщенный, неученый; 6) церк. не причастный коварству; чистый; 7) имеющий ограниченный ум, недогадливый; 8) незнатный; 9) церк. прямой; 10) стар. свободный, не подлежащий задержанию или

⁴ КДРС.

⁵ КСлРЯ XVIII в.

⁶ САР₁, Т. 4, стлб. 1091.

⁷ САР₂. 1822. Т. 5, стлб. 645.

какому-л. препятствию»; в качестве устойчивого приводится словосочетание *простой народъ* – «люди низшего сословия; чернь».⁸

Из обширной статьи (Сл. Даля) приведем лишь выдержки: «*Простой народъ*, податной, чернь, крестьянство»⁹; ср. здесь «*простолюднъ* <...>, *простолюдство* – человек или люди простого рода, чернь, податное сословье, или крестьяне»¹⁰.

Первый большеобъемный советский толковый словарь (Сл. Ушакова) предложил следующие дефиниции, также иерархически организованные: «*простой* – 1) элементарный по составу, однородный, не составной <...>; 2) безыскусственный, не вычурный, не затейливый, не замысловатый; 3) грубый по качеству, не первосортный; 4) добродушный, не церемонный <...>; 5) глуповатый, недалекий по уму (разг.); 6) ничем не выделяющийся из остальных, самый обыкновенный, обыденный; 7) принадлежащий к непривилегированному классу, сословию (дореволюц.; первонач., недворянский) // в знач. сущ. *простой* – человек, принадлежащий к непривилегированным классам (дореволюц.); 8) пустой, порожний (устар. и обл.)».¹¹

Хронологически следующий советский академический словарь (БАС₁) характеризовал так семантику прилагательного *простой*: «1) не содержащий многих элементов, частей; не составной, не сложный <...>; 2) нетрудный, несложный для понимания, разрешения, осуществления, выполнения и т.п.; 3) не замысловатый, не вычурный, без особых украшений; 4) недостаточно обработанный, отделанный; грубый по качеству; 5) обыкновенный, ничем не выделяющийся из других; заурядный; 6) принадлежащий к непривилегированному классу, сословию; 7) прямой, бесхитростный, простодушный; 8) недалекий по уму, глупый; 9) устар. и обл. непокрытый (о волосах); 10) обл. пустой, порожний».¹²

Однако представляется, что и в последнем цитируемом издании не отмечена по времени

почти совпадающая с ним заметно возросшая благодаря официозным агитпроповским текстам частотность употребления прилагательного *простой* в значении, которое традиционно, начиная с первых русских академических словарей, задвигается лексикографами на одно из иерархически последних мест, то есть «принадлежащий к непривилегированному классу, сословию».

Понятно, что по причинам социально-идеологического характера оно как будто стало уходить на периферию словарного состава – под аккомпанемент лозунгов всеобщего равенства и проч.

Но постепенно слово *простой* начинает обретать несомненно мелиоративную окрашенность, выступая вербальным символом некоего особенного – и притом высокого достоинства, и не только отдельной личности, а общественной макрогруппы. Об этом можно судить по многочисленным примерам из официальных речей, публицистических и литературно-художественных опусов, содержащихся в (БКСО).

Вот лишь некоторые из них: «*простые граждане*» (Ленин. Речь 26.11.20) (возможно, это высказывание послужило образцом-первоисточником для дальнейшего тиражирования); «*простые советские люди*» (Известия. 25.06.50); «*простой человек труда*» (Известия. 13.10.50); «животворные идеи Ленина и Сталина о социалистическом соревновании одухотворили и возвеличили труд миллионов *простых людей*» (Правда. 29.04.52); «Все выступления рабочих, колхозников, интеллигенции проникнуты чувством законной гордости советских людей, живущих в стране, где забота о благе *простого человека* превышает всего» (Правда. 02.04.53); «Будущее определяется не высокими словами о благе людей <...>, а кропотливой и повседневной заботой о каждом без исключения *простом человеке*» (Паустовский. Синева, 1954); «И те люди, которых принято (!) называть *простыми* обыкновенными *людьми*, скромными тружениками, – девушка-сталевар, машинист со Сталгрэса, рабочие-ополченцы, партийные работники...» (Гроссман. За правое дело, 1955, ч. 2, с. 359);

⁸ Сл. 1847 г.

⁹ Даль. 1955. Т. 3. С. 512.

¹⁰ Даль. 1955. Т. 3. С. 514.

¹¹ Сл. Ушакова. 1939. Т. 3, стлб. 1009–1010.

¹² БАС₁, 1961. Т. 11, стлб. 1394–1398.

«По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает –
Советский *простой человек!*
Отбросивши сказки о чуде,
Отняв у богов небеса, –
Простые советские люди

Повсюду творят чудеса!» (Лебедев-Кумач. Советский *простой человек*. (Кн. песен 3)) и мн. др.¹³

По-видимому, труженики агитпропа довольно быстро сообразили, что сделанное ими устойчивым и в высшей степени положительно оценочным (чуть ли не дифирамбическим) словосочетание *простой человек* может быть успешно применено и по отношению к зарубежным братьям по классу – и ввели эту экстраполяцию в повседневную речевую практику, которой придерживались и советские руководители.

Об этом свидетельствуют многие примеры из (БКСО)¹⁴: «Миллионы *простых людей* стоят на страже мира и безопасности» (Внешняя политика СССР. 1949. С. 672). – «*Простые люди* всего мира прекрасно понимают, что урегулирование советско-американских отношений представляет собой центральную проблему» (Внешняя политика Советского Союза. 1950, изд. 1953. С. 484). – «*Простые люди* во всех странах мира <...> решительно осуждают политику американских агрессоров» (Маленков, Речь на собрании избирателей. 09.03.50). – «*Простые люди* всего мира» (Большевик. 13.04.50), то же – (Правда. 05.03.52). – «*Простые люди*, которые составляют громадное большинство населения во всех странах, хотят только того, чтобы возможности пользования благами всего мира были как можно более прочными» (Молотов. Вопросы внешней политики. С. 272). – «Трудящиеся стран народной демократии, миллионы *простых людей* в наших странах...» (Хрущев, речь 1954).

«Счастливый путь стране единственной,
Чей жаркий свет в любой дали
Неугасим, как светоч истины,

Для всех *простых людей* земли!» (А. Жаров. Счастливый путь (1, 67), 1954) и т.п.¹⁵

Вполне возможно, что именно эта высокая частотность употребления словосочетания *простой человек* (*простые люди*) стимулировала создателей последнего академического толкового словаря советской эпохи к формулировке ранее не отмечавшегося значения. Иерархия получилась такой: «*простой* – 1) не сложный, не трудный, легко доступный для понимания, выполнения, управления и т.п.; 2) элементарный по составу, однородный, не составной; 3) безыскусственный, не замысловатый, не вычурный; 4) обыкновенный, ничем не примечательный; 5) обычный для какого-л. вида предметов <...>; 6) ничем не осложненный, понимаемый в прямом смысле; 7) открытый, бесхитростный, прямой, не церемонный; 8) разг. недалекий, наивный; 9) недостаточно обработанный, отделанный, грубый по качеству; 10) устар. принадлежавший к непривилегированному сословию; 11) принадлежащий к трудовой части общества; трудящийся. *Простые люди* всего мира»¹⁶.

Заметим, что, кроме введения в статью (пусть и на финальной позиции, что, впрочем, оправдывается хронологической приуроченностью) толкования, оказавшегося востребованным, произошла и некоторая существенная, но малоуловимая взглядом корректировка: причастие в дефинициях *простой* 7¹⁷ и 6¹⁸ («принадлежащий к непривилегированному классу, сословию») обрело наконец форму прошедшего времени в знач. 10¹⁹. По-видимому, этой деталью манифестировалась декларированная в ряде тогдашних официальных документов социальная однородность советского общества, более не дифференцированного на эксплуататоров и эксплуатируемых. Казалось, что достигнутый результат исторически окончателен.

Однако относительно недавно в СССР, а затем и в России произошли радикальные изменения, вследствие которых была возрождена даже

¹⁵ БКСО.

¹⁶ МАС₂. 1983. Т. 3. С. 526–527.

¹⁷ Сл. Ушакова.

¹⁸ БАС₁.

¹⁹ МАС₂.

¹³ БКСО.

¹⁴ БКСО.

не селекция членов общества (насколько еще возможно так называть получившийся социальный феномен), но глубочайшая пропасть между имущими и неимущими, т.е. между «элитой» – и «простыми людьми». Собственно, первая группа беззастенчиво приватизировала (попросту – присвоила) то, что в течение десятилетий создавала вторая.

Приведем лишь некоторые примеры современной речекоммуникативной практики, свидетельствующие о новейшем социальном расслоении: «Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и главный газпромовец Алексей Миллер, обычно неприступные, а тут (на стадионе) не отличаются от *простых* фанатов» (Новости. ТВК. 30.08.08). – «Важно, какое отношение к этому явлению (коррупции) среди чиновничества и среди *обычных* людей» (Д. Медведев. Сегодня. НТВ. 07.04.10). – «Законы должны быть действенны для всех <...>, чиновник, бизнесмен или *простой* гражданин Российской Федерации» (М. Прохоров. Сегодня. НТВ. 17.02.08). – «И здесь не имеет значения, депутат ты или *просто* человек» (С. Вострецов, депутат Госдумы. ОТР 03.10.18) и т.п.

Можно заметить, что некогда пафосное звучание, которым советская пропаганда наделила словосочетание *простой человек* (*простые люди*) и под., сегодня решительно утрачено.

Глубокая социальная дифференциация, выразившаяся в оппозиции *элита* / *простые люди*, влечет за собой серьезные последствия. Ранее было верно замечено: «Мы знаем политиков наперечет, они давно утратили авторитет в обществе. А других нет... Частным случаем этой трагедии <...> стало исчезновение *простого человека* с экранов телевизора и с газетных страниц. *Простой человек* как символ какого-то движения общества» (Богданов, 2007, с. 30).

Допустимо предположить, что несколько двусмысленная коннотация словосочетания *простой человек* (*простые люди*), сложившаяся в последние годы в результате постоянного контрастирования между традиционным в советское время почти пафосным ореолом – и утвердившимся затем чуть ли не пейоративным

оттенком, стала доступна пониманию некоторых инстанций. Поэтому в российском официальном дискурсе происходит его замещение иным, но семантически подобным: ср. варианты *рядовой человек*, *рядовой гражданин*. Ср.: «<...> Осуществляя масштабный план развития железнодорожного транспорта, мы никогда не будем забывать о *рядовых людях*, которые работают на дороге»²⁰. – «Это очень важно, чтобы мы все, и *рядовые граждане*, и те, кто занимается какими-то руководящими функциями <...>, чтобы мы понимали динамику происходящих событий... <...> Всё-таки главный герой этого фильма («Президент») должен был быть *рядовой человек*» (<https://special.kremlin.ru/events/president/news/49358>). «...Если мы хотим, чтобы люди нам доверяли <...>, нужно чувствовать, как *рядовой человек* живет» (16.04.15. URL: <http://kremlin.ru/2/49261>). – «Я знаю, что здесь собрались не какие-то большие чиновники и начальники <...>, здесь *рядовые люди, рядовые дагестанцы...*»²¹ – и: «Сегодня миллионы *рядовых людей* говорят Вам спасибо за страну ...»²² и под.

Результаты исследования являются должным образом аргументированными, позволяя градуировать семантико-коннотативные эволюции словосочетания *простой человек* на разных этапах его исторического бытования.

Выводы в соответствии с целью статьи свидетельствуют о процессах, в согласии с доминировавшими аксиологическими установками в древне- и старорусский периоды истории языка характеризовавшими *простого человека* как не обладающего ни материальным имуществом, ни значительным социальным статусом. В советскую эпоху это словосочетание получило высокомелиоративную оценочность, а в послевоенное время утратило ее, будучи постепенно заменяемым семантически почти адекватным архаичному новейшими – *рядовой человек*, *рядовой гражданин*.

²⁰ В. Путин. 24.10.07. URL: <https://kremlin.ru/events/president/transcripts/24619>

²¹ В. Путин. 13.03.18. URL: <https://special.kremlin.ru/events/president/news/57050>

²² Н. Меркушкин, бывший глава Самарской областной администрации. 02.11.17. URL: <https://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/55988>

Авторский вклад в получение искомых результатов состоит в самостоятельном выборе оригинальной темы, обнаружении фактических материалов и последовательном применении апробированных научно-лингвистических методов.

Список словарей и источников

1. Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (БКСО).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
3. Картотека Словаря русского языка XVIII в. Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (КСЛРЯ XVIII в.).
4. Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (КДРС).
5. Общий церковно-славянский российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых, составленное П. Соколовым. Спб., 1834. Ч. 1–2 (Сл. Соколова).
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Спб., 1806–1822. Ч. 1–6 (САР₂).
7. Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Спб., 1789–1794. Ч. 1–6 (САР₁).
8. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М., 1981–1984 (МАС₂).
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., изд. с 1974 (СлРЯ XI–XVII вв.).
10. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л. 1948–1965. Т. 1–17 (БАС₁).
11. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук: в 4 т. Спб., 1847 (Сл. 1847).
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. 1–3.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 (Сл. Ушакова).
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М., 1964–1973.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1–2.
16. Чигишев Ю. Куда ушли люди? // Городские новости. № 168. 15.11.07. С. 3 (текст интервью с председателем Союза журналистов России В. Богдановым (Богданов, 2007)).

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
2. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М., 2014. 240 с.
3. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб., 2004а. Кн. 3: Бытие и быт. 400 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004б. 240 с.
5. Трубачёв О. Н. Приемы семантической реконструкции // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. М., 1984. С. 49–53.

CONNOTATIVE TRANSFORMATIONS OF THE COLLOCATION *COMMON MAN* IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The problem considered in the article is connected with the ability of words and standard collocations possessing expressive-evaluative aureoles to signal about the condition of some fragments of collective consciousness.

Lexico-phraseological levels of the language is most dynamic due to its immediate connection with man's mentality and social medium. That is why the evolutions taking place in the social medium get materialized in the semantics and/or vocabulary-unit connotations including the most actual ones. These processes often have quite a long history and are able to obtain a broad resonance among speech agents.

The purpose of the article is to analyse the historical dynamics of the *common man* connotation known from time immemorial and topical up to now.

The materials borrowed from authoritative lexicographic sources and used in the present research are informative, quotations from mass media are verified and the comparative and comparative-historical methods used in the process of the study have firmly proved themselves as scientifically effective. The main adjectival component *common* of the collocation initially was syncretical and later became polysemantic. However, with all the diachronic transformations of its semantics, there was always present the meaning fraught with qualifications of the social status of the man who did not possess either considerable material property or administrative powers. But in the Soviet epoch thanks to the efforts of official propaganda the *common man* (plural: *common people*) collocation obtained high ameliorative evaluativity, and what is more, it was widely used in respect to foreign 'class brothers'.

After radical demolition of axiological paradigms connected with perestroika reforms there appeared a different predominant social group in Russia, which is usually called *the elite*. And the *common man* collocation turned into a nomination of a representative of the lowest, almost marginal and deprived of rights social caste. Since manipulative demands of the people in power must be provided with the necessary verbal tools such collocations began to appear in the para-governmental discourse as *ordinary man* and *ordinary citizen* which semantically were similar to the *common man* collocation, but unlike it they were not loaded with the connotations of the Soviet times.

The results of the research are appropriately substantiated allowing to calibrate semantico-connotative evolutions of the *common man* collocation at various stages of its historical existence.

The conclusions, in accordance with the purpose of the article, testify to the processes which due to predominant axiological prescriptions of the ancient Russian and old Russian periods in the history of the language characterized common man as a person having neither material nor significant social status. In the Soviet epoch this collocation received high ameliorative evaluativity, and in the post-Soviet time it lost its high social status. It was gradually replaced with *ordinary man* and *ordinary citizen*, which were almost adequate to the archaic ones.

The author's contribution to obtaining the results consists in the independent approach and choice of the authentic theme, discovering factual materials and consequent usage of the approved scientific methods.

Keywords: *dynamics of the lexis, semantic and connotative evolutions, common man, verbal manipulations, propagandist tools.*

References

1. Big card file of Dictionary department of the Institute of linguistic research of RAS (BKSO).
2. Vasilyev A.D. Games in words. Manipulative operations in texts of media. SPb., 2013. 660 p.
3. Vasilyev A.D. Modern formation of myths and Russian television literature. M., 2014. 240 p.
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the great living Russian language. Vol. 1–4. M, 1955.
5. Card file of the Russian Dictionary of the 18th century. Dictionary department of the Institute of linguistic research of RAS (KSLR the 18th century).
6. Card file of the Russian Dictionary of the 11–17th centuries. Institute of Russian named after V.V. Vinogradov RAS (KDRS).
7. Kolesov V.V. Ancient Russia: heritage in a word. Book 3: Life and daily routine. SPb., 2004a. 400 p.

8. Kolesov V. V. Language and mentality. SPb., 2004b. 240 p.
9. The general Church Slavonic Russian dictionary, or the Meeting of set phrases, both domestic and foreign, in the Church Slavonic and Russian adverbs used; made by P. Sokolov. P. 1–2. SPb., 1834 (Settlement of Sokolov).
10. The dictionary of Russian Academy, on an alphabetical order located. Ch. 1–6. SPb., 1806–1822 (САР₂).
11. Dictionary of Russian Academy, derivative way located. Ch. 1–6. SPb., 1789–1794 (САР₁).
12. The dictionary of Russian (under the editorship of A.P. Evgenyeva). In 4 vol. M., 1981–1984 (МАС₂).
13. Dictionary of Russian of the 11–17th centuries M., Prod. since 1974 (DRL of XI–XVII).
14. Dictionary of the modern Russian literary language. T. 1–17. M.; L. 1948–1965 (BAS₁).
15. The dictionary of Church Slavonic and Russian, made by the Second office of Academy of Sciences. In 4 vol. SPb., 1847 (Dic. 1847).
16. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of Old Russian language on the basis of written monuments. T. 1–3. M., 1958.
17. The explanatory dictionary of Russian (under the editorship of D.N. Ushakov). In 4. Vol. M., 1935–1940 (Dic. of Ushakov).
18. Trubachyov O.N. Methods of semantic reconstruction // International symposium on problems of etymology, historical lexicology and lexicography. M., 1984. P. 49–53.
19. Fasmer M. The etymological dictionary of Russian (translated from German and supplemented by O.N. Trubachyov). In 4 vol. M., 1964–1973.
20. Black P.Ya. Historical and etymological dictionary of modern Russian. T. 1–2. M., 1993.
21. Chigishev Yu. Where did people leave for? // City news. No. 168. 15.11.07. P. 3 (the text of an interview with V. Bogdanov, Chairman of the Union of Journalists of Russia (Bogdanov, 2007)).